

ПРАВО НА УВАЖЕНИЕ ЧАСТНОЙ И СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Нурбалаева А.М. – доцент кафедры гражданского процесса Дагестанского государственного университета
E-mail: gasan2003@mail.ru

В статье определены вопросы защиты прав и основных свобод человека, выделены позиции Европейского суда по правам человека.

Ключевые слова: права человека, право на уважение, Европейская конвенция, защита прав человека.

THE RIGHT TO RESPECT PRIVATE AND HOME LIFE IN PRACTICE OF THE EUROPEAN COURT UNDER HUMAN RIGHTS

Nurbalaeva A.M. – the senior lecturer of chair of civil process of Daghestan state university

The questions of protection of the rights and the basic freedom of the person are defined in the article, and positions of the European Court under human rights are allocated.

Key words: human rights, right to respect, European Convention, protection of human rights.

На современном этапе развития российской правовой системы всё большее значение приобретает Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, а также позиции Европейского суда по правам человека. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод является уникальным юридическим инструментом, потенциал воздействия которого на национальные правовые системы продолжает раскрываться [4, с.23], важнейшим международным актом, который носит не межгосударственный, а надгосударственный характер [6].

Статья 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод гарантирует право на уважение частной и семейной жизни. Это означает, что государства-участники Конвенции обязаны соблюдать и должны обеспечить каждому, находящемуся под их юрисдикцией, право на уважение частной и семейной жизни. Это право является одним из важнейших общепризнанных прав человека, защита которого предусматривается

основными международными документами и национальными правовыми актами. Особенностью данной международной нормы является то, что защита по ст. 8 Конвенции применяется в тех случаях, когда речь идет о действиях самого государства, а не частных лиц: ответчиком при разбирательстве дел в Европейском суде по правам человека всегда выступает государство-участник Конвенции, нарушивший или не обеспечивший, по мнению заявителя, право на уважение его частной и семейной жизни.

Защита, предоставляемая ст.8 Конвенции, не просто запрещает дискредитационные действия со стороны органов государственной власти, но и предполагает наличие позитивных обязательств, неотъемлемых от эффективного «уважения» частной и семейной жизни, которые дают право лицу требовать защиты от государства. Как неоднократно подчёркивал Европейский суд по правам человека, границы между позитивными и негативными обязательствами государств, вытекающими из

данной нормы, не поддаются точному определению, но в обоих случаях необходимо руководствоваться справедливым балансом между интересами частного лица и общества в целом, в обоих случаях государство пользуется пределами усмотрения.

Право на уважение частной жизни является в рамках данной Конвенции многоаспектным понятием. Так, Европейский суд в ряде случаев устанавливал, что споры, касающиеся фамилий и имён физических лиц, подпадают в сферу действия ст. 8 Конвенции. И хотя это положение не содержит прямого упоминания права на имя, имя человека как средство идентификации личности и связи с семьей, тем не менее, касается ею частной или семейной жизни.

К примеру, по делу «Знаменская против Российской Федерации» Европейский суд по правам человека установил, что жалоба на отказ национальных судов рассмотреть заявление об установлении происхождения от ее гражданского мужа и об изменении его имени подпадает под применимость ст. 8 Конвенции. Сутью данной жалобы заявительницы являлась невозможность изменить отчество и фамилию мертворожденного ребёнка, чтобы отразить его биологическое происхождение от последнего партнёра, так как действовала правовая презумпция отцовства официального мужа матери ребёнка. Европейский суд установил применимость жалобы к ст. 8 Конвенции, принимая во внимание, что у заявителя должна была развиться сильная связь с плодом, который она почти доносила до полного срока, и что она выражала желание дать ему имя и похоронить его, установление его происхождения влияло на её «личную жизнь». При этом власти Российской Федерации признали, что национальные суды совершили ошибку, рассмотрев заявление с точки зрения гражданских прав мертворожденного ребёнка и не уделив должного внимания правам заявителя. По данному делу Европейский суд установил, что имело место нарушение ст. 8 Конвенции, так как ситуация, при которой правовой презумпции даётся возможность превалировать над биологической и социальной действительностью без учёта фактов и желаний заинтересованных лиц, и никому в действительности не принося пользы,

несовместима с обязательством обеспечивать эффективное «уважение» личной и семейной жизни. О сложности принятия решения по данному делу свидетельствует тот факт, что оно было постановлено четырьмя голосами против трёх. Как справедливо, на наш взгляд, отмечено в Особом мнении судей, «не оправдывается ли вмешательство государства при несогласии признать биологического отца ребёнка частью права матери на уважение её личной жизни тем фактом, что наиболее заинтересованная сторона – отец ребёнка – был мертв в момент обращения и, следовательно, не мог защитить свои права относительно своего имени и своей семейной жизни» [1].

При рассмотрении жалоб на решения национальных судов по делам об установлении отцовства Европейский суд не подменяет собой компетентные национальные органы при регулировании таких споров, а рассматривает в соответствии с Конвенцией решения, принятые этими органами при осуществлении своих полномочий на предмет того, были ли государством-ответчиком соблюдены позитивные обязательства, наложенные на него ст. 8. При решении вопроса о том, в каких пределах и при каких условиях может быть оспорен зарегистрированный факт отцовства, затрагивается ряд конфликтующих интересов: «биологические реалии», интерес ребёнка либо общества в сохранении стабильности правового статуса лиц.

Так, например, по делу «Шофман против Российской Федерации» заявитель утверждал, что государством было нарушено его право на частную жизнь, так как ст. 49 КоБС РСФСР предусматривает начало течения срока давности для оспаривания записи об отцовстве не с момента, когда лицо узнало, что не является отцом ребёнка, а с момента, когда ему стало известно или должно было стать известно о такой записи. Причём национальным судом был признан доказанным тот факт, что заявитель, согласно результатам анализов ДНК, не является отцом ребёнка, но в удовлетворении иска было отказано ввиду пропуска срока исковой давности.

Европейский суд установил, что имело место нарушение ст. 8 Конвенции. Своё решение Европейский суд основывал на том, что власти Российской Федерации не указали

причин, по которым «было необходимым в демократическом обществе» установление жёсткого срока, начинающего течь независимо от того, знал ли предполагаемый отец о наличии обстоятельств, ставящих под сомнение факт его отцовства, и не предусмотреть никаких исключений при применении этого срока. Также Европейский суд отметил в своём постановлении, что справедливый баланс между общим интересом защиты правовой определённости семейных отношений и правом заявителя на пересмотр правовой презумпции о том, что он является отцом ребёнка, в свете биологических доказательств, не был обеспечен [3].

В соответствии со ст.8 Конвенции при принятии решения по заявлению об установлении отцовства национальные суды должны уделять особое внимание наилучшим интересам ребёнка. Так, по делу, связанному с установлением отцовства «Калачёва против Российской Федерации», Европейский суд, устанавливая факт нарушения ст. 8 Конвенции, исходил из того, что данная норма обязывает государство выполнять позитивные обязательства по установлению справедливого равновесия между конкурирующими интересами сторон разбирательства с надлежащим учётом наилучших интересов ребёнка. Невыполнение позитивных обязательств государством-участником Конвенции состояло в том, что национальный суд, ограничившись признанием экспертизы методом анализа ДНК, недопустимой по причине нарушения процедуры забора крови, не назначил по своей инициативе повторную экспертизу, хотя в данном деле наилучший интерес ребёнка требовал однозначного ответа на вопрос о том, был ли А. отцом ребёнка [2]. Национальные суды исходили из того, что ч. 2 ст. 87 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации не обязывает в императивной форме суд назначить повторную экспертизу (имеет формулировку «может назначить»). В данном деле Европейский суд посчитал, что диспозитивность гражданского процесса, на которую ссылались власти Российской Федерации ввиду отсутствия ходатайства самой заявительницы о повторном проведении экспертизы, является неприемлемой

с точки зрения принципов, установленных ст. 8 Конвенции.

Право на уважение частной и семейной жизни в практике Европейского суда рассматривается и в контексте с другими правами, гарантированными Конвенцией. Так, например, по делу «Исмаилова против России» заявительница обжаловала нарушение национальными судами при рассмотрении дела о месте жительства детей ст. 8 Конвенции в увязке со ст. 14 Конвенции, то есть, что было нарушено её право на семейную жизнь и в отношении неё совершена дискриминация по признаку религии (заявительница являлась членом религиозной организации «Свидетели Иеговы»). Европейский суд установил, что национальные суды действовали исходя из интересов ребёнка, так как она «вовлекла детей в свою религиозную практику и не сумела защитить их» [5, с.78], тем самым властями государства-ответчика не было допущено нарушения требований ст. 8 Конвенции, взятой в увязке со ст. 14 Конвенции.

Практика Европейского суда по правам человека показывает, что при рассмотрении конкретных дел все меньшее значение имеет тот факт, представляет ли предполагаемое нарушение ст.8. Конвенции вмешательство в осуществление гарантированных прав или государство нарушает позитивные обязательства [7, с.79].

Литература

1. Дело «Знаменская (Znamenskaya) против Российской Федерации» (Жалоба №77785/01). Страсбург, 2 июня 2005 года: Постановление Европейского суда по правам человека от 02.06.2005. (Первая секция) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2006. № 8.
2. Дело «Калачёва (Kalacheva) против Российской Федерации» (Жалоба №3451/05). Страсбург, 7 мая 2009 года: Постановление Европейского суда по правам человека от 07.05.2009. (Пятая секция) // URL: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=59454> (дата обращения: 10.11.2011).
3. Дело «Шофман (Shofman) против Российской Федерации» (Жалоба

- №74826/01): Постановление Европейского суда по правам человека от 15.03.2007 // СПС КонсультантПлюс
4. *Водолагин С.* Конвенция о правах человека как составная часть правовой системы России // *Российская юстиция.* 2001. №8.
 5. Дело «Исмаилова против России» (Жалоба № 37614/02) // *Российская юстиция.* 2009. №2.
 6. *Максуров А.А.* Проблемы обязательности учёта позиции Европейского суда по правам человека в правоприменительной практике в Российской Федерации.//*Адвокат.* 2010. №9.
 7. *Туманова Л.В., Владимирова И.Л.* Защита семейных прав в Европейском суде по правам человека. – М.: Издательский дом «Городец», 2007.

Поступила 3 февраля 2011 г.